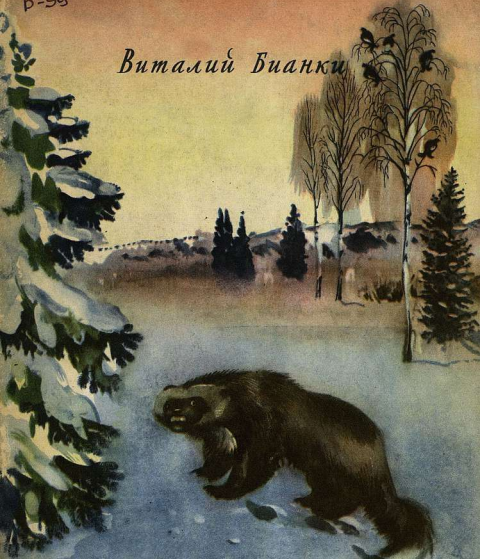

Б-59

Виталий Бианки

ПО СЛЕДАМ

ДЕТГИЗ • 1955

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

*Виталий Бианки***ПО СЛЕДАМ**

РАССКАЗЫ

*Рисунки**В. Курдова и И. Ризнича*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1955

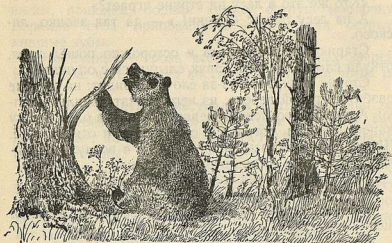
89

Обложка
В. Курдова

694222 Кр пер

Российская государственная
детская библиотека

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: «Дзени!...» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился:

«Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» — да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук — медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходил мимо избы медвежатника. Старик дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я.

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

ГОЛУБОЙ ЗВЕРЕК

В густом лесу на горе было темно, как под крышей. Но вот вышла луна из-за тучи, и сейчас же засверкали, заблестели снежинки на ветках, на елях, на соснах и засеребрился гладкий ствол старой осины. У вершины её чернела дыра — дупло.

Вот по снегу мягкими, неслышными прыжками подбежал к сосне тёмный длинный зверёк. Остановился, понюхал, поднял кверху острую мордочку. Верхняя губа приподнялась — мелькнули острые, хищные зубы.

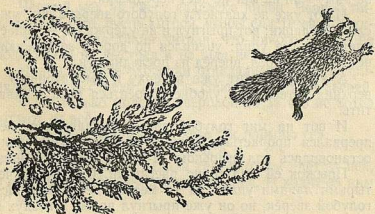
Это куница — гроза всех мелких лесных зверей. И вот она, чуть шурша когтями, бежит уже вверх по осине.

Вверху из дупла высунулась усатая круглая головка. Через миг голубой зверёк уже бежал по суку, осыпая снег на ходу, и вдруг легко прыгнул на ветку соседней сосны.

Но как ни легко прыгнул голубой зверёк, ветка качнулась — куница заметила. Она согнулась в дугу, как натянутый лук, потом выпрямилась и стрелой перелетела на качавшуюся ещё ветку. Куница понеслась вверх по сосне — догонять зверька.

Нет никого в лесу проворней куницы. От неё не уйти даже белке.

Голубой зверёк слышит погоню, ему некогда оглянуться: надо скорее, скорее спастись. С сосны он прыгнул на ель. Напрасно зверёк хитрит, бежит по другой стороне ели — куница скачет по пятам. Зверёк

забежал на самый конец еловой лапы, а куница уже рядом — хватать зубами! Но зверёк успел спрыгнуть.

С дерева на дерево неслись голубой зверёк с куницей, как две птицы среди густых веток.

Прыгнет голубой зверёк, нагнётся ветка, а куница за ним — ни на миг не даёт передышки.

И вот уже не хватает у голубого зверька сил, уже слабеют лапки: вот прыгнул и не удержался — падает вниз. Нет, не упал: уцепился по дороге за нижнюю ветку — и вперёд, вперёд из последних сил.

А куница бежит уже поверху и высматривает с верхних ветвей, как удобнее броситься вниз и схватить.

И вот на миг голубой зверёк остановился: лес прервался пропастью. Куница тоже на всём скаку остановилась над зверьком. И вдруг кинулась вниз.

Прыжок её был точно рассчитан. Она всеми четырьмя лапами упала на то место, где остановился голубой зверёк, но он уже прыгнул прямо в воздух и

полетел — медленно, плавно полетел по воздуху над пропастью, как во сне. Но всё было наяву, при яркой луне.

Это была полетуха, летяга — летучая белка: у неё между передними и задними лапками натянулась свободная кожа, которая парашютиком держала её в воздухе.

Куница не прыгнула вслед: она не может летать — она упала бы в пропасть.

Летяга повернула хвост и, красиво закруглив полёт, спустилась на ёлку по ту сторону пропасти.

Куница щёлкнула зубами со злости и стала спускаться с дерева.

Голубой зверёк ускользнул.

ЧЁРНАЯ ЛИСИЦА

В лесах Якутии зимой появилась чёрная лисица.

Чёрные лисицы бывают очень редко. И шкура их стоит дороже всех других мехов.

Вот все охотники сейчас же бросили стрелять белок, даже соболей, и стали гоняться за одной этой лисцей.

Чёрный мех на снегу издалека виден. Чёрной лисце надо быть очень хитрой, чтобы спасти свою шкуру. И она была такая хитрая, что никого к себе не подпускала на выстрел и не шла ни в одну ловушку.

Понемногу все охотники отказались от неё и принялись опять стрелять белок, соболей и других зверей.

Один только молодой зверолов ни за что не хотел отстать от неё.

Он думал: «Помучусь, зато уж поймаю её».

И продолжал гоняться за ней.

А чёрная лисица делала так: охотник идёт за ней, а она даст круг и выйдет на его след. И ходит за ним по лесу.

Молодой зверолов эту её хитрость понял.

«Ладно же, — думал он. — Ходи. А я расставляю по круговой тропке капканы да самострелы и буду ходить по этой тропке. Тут-то ты, матушка, и попадёшься мне».

Так и сделал.

Расставил на тропке капканы, снегом их запорошил, чтобы видно не было. Спрятал в кустах самострелы, а верёвочки, которые стрелу пускают, провёл через тропку.

И стал ходить по круговой тропке.

Он ходит, и чёрная лисица за ним ходит.

Он через все верёвочки и капканы перешагивает, и чёрная лисица через них перепрыгивает.

Кружили-кружили, кружили-кружили — охотник устал, еле ноги волочит. И задел за одну верёвочку.

Самострел выстрелил, и стрела попала зверолову в ногу. Он еле домой дополз. И всю зиму пролежал больной в постели.

А чёрная лисица так и ушла.

НЕПОНЯТНЫЙ ЗВЕРЬ

У нас в колхозе картошку с осени закапывают в сосняке. Там песок — картошка лежит всю зиму и не портится. Весной её вырывают из песка и сажают.

А в сосняке остаются глубокие ямы.

Вот раз шёл один наш колхозник по этому сосняку и слышит, будто скребётся кто в яме.

Подошёл к яме, а там на дне совсем незнакомый зверь: ростом с собачку, толстый, сам весь в белой и чёрной шерсти.

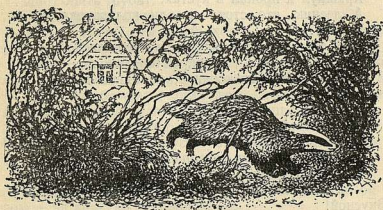
У колхозника с собой был топор. Долго не раздумывая, он наклонился над ямой да стукнул зверя обухом по голове.

Зверь упал.

Колхозник вытащил его из ямы, перекинул через плечо и пошёл домой.

Дома скинул зверя на пол и говорит своим сыновьям:

— Глядите, какого я зверя пристукнул в сосняке. Совсем непонятный зверь. Даже и прозвания его не знаю.

Старший сынишка поглядел на зверя, — а зверь толстый, ноги короткие, рыло свинячье, — говорит:

— Это лесной поросёнок.

Средний сынишка поглядел зверю на когти, — а когти у зверя длинные, страшные, — и говорит:

— Это волчонок.

А младший сынишка поднял зверю верхнюю губу, поглядел на его зубы, — а зубы у зверя хищные, клыкастые, — и говорит:

— Медвезонок.

— Нет, — сказал колхозник, — не поросёнок, не волчонок и не медвежонок. Совсем непонятный зверь. Пойду за лесником: лесник должен знать.

Взял шапку, вышел — и дверь за собой захлопнул.

Через малое время вернулся с лесником, открывает дверь, а ребята его — все трое — на печке сидят, ноги поджали. И кричат ему:

— Тятя, не входи!

— Тятя, он живой!

— Кусачий!

Колхозник остановился на пороге, а зверь шасть у него между ног, да с крыльца, да в калитку.

Хрюкнул и пропал в кустах.

А лесник, что стоял позади колхозника, и говорит:

— Плохо ты его стукнул. Это зверь лесной, живучий. По-нашему — язвук, по-учёному — барсук. В норах живёт. Ест коренья, да лягушек, да слизняков.

Ребята спрашивают с печки:

— А людей он не ест?

— Людей не трогает.

— А мы-то страху натерпелись!

И полезли с печки.

— Эх, знать бы! Мы печёной картошки ему дали б. Вкусной!

ПРО ДВУХ ОХОТНИКОВ

На дереве

Были два друга охотника. Один был хант, лесной человек. Он в лесу родился, в лесу всю жизнь прожил и прокармливал себя охотой. А другой служил в городе и только в свободные дни приезжал к другу в лес — пострелять птицу и зверя.

Раз осенью хант привёл друга в лес на поляну и говорит:

— Слушай...

А вечер был, солнце уже село за деревья. Тихо в лесу.

Вдруг разнёсся по лесу короткий, глухой рёв: незнакомый и страшный голос какого-то зверя.

У городского мурашки по спине побежали. Но виду он не показал, что ему страшно.

А хант-охотник вытащил из-за пазухи берестяную трубу. Приложил её к губам — и подаёт такой же звериный голос.

Зверь отозвался.

Хант опять трубит.

Зверь ближе, ближе.

И вот слышит городской охотник: кто-то большой, тяжёлый ломит через чащу, сучья трещат.

Вдруг показалась звериная голова — нос горбылём, рожищи шире лопат: громадный лось.

Надо бы обождать, когда зверь на открытое место выйдет, и тогда стрелять.

А городской не стерпел, выстрелил сквозь чащу. Пуля отломила зверю кусок рога. Зверь рассвирепел, кинулся на охотников.

Охотники побросали ружья — и на деревья.

Городской забрался на прямую берёзу, а хант рядом — на кривую, наклонную ель.

Лось подбежал под берёзу и давай копытами землю бить. Достать рогами охотника не мог.

А в земле корни берёзы. Лось их копытами, как топором, перерубил.

Закачалась берёза и стала падать.

Тут и была бы охотнику смерть: упали он, лось его мигом растоптал бы.

Да, на счастье охотника, берёза, падая, навалилась на ель, где хант сидел. Хант подхватил друга и помог ему взобраться на ту ветку, где сам сидел.

А лось уже под елью — и опять копытит землю.

Хант вытащил из кармана трубку, табак и даёт другу:

— Закуривай.

А друг говорит:

— Да ты что! Зверь и ель сейчас повалит — обоим нам сейчас будет смерть.

— Нет, — говорит хант. — Кури спокойно. Ничего не будет. Корни-то ели где?

Лось рыл землю прямо под той веткой, где охотники сидели. А ель-то ведь была кривая, наклонная, корни её были далеко от этого места.

Всю ночь бесновался лось. Большую яму под елью вырыл. А в сторону отойти да рыть там — так и не догадался. Смекалки у него не хватило.

Наконец лось устал. Фыркнул со злости, что не достал обидчиков, и ушёл.

Тогда охотники слезли, подобрали ружья и пошли домой.

В медвежьей шкуре

В другой раз городской охотник приехал к другу зимой. Опять пошли они в лес.

В лесу они разошлись. Хант со своей лайкой пошёл в одну сторону, а городской — в другую. У него собаки не было.

Городской шёл-шёл по лесу, видит — сугроб.

А перед сугробом кусты в инее.

«Эге! — подумал охотник. — Отчего бы тут иней, когда его нигде кругом нет?»

Поднял длинный сук, ткнул им в сугроб.

А из-под сугроба — большущий медведь!

Он тут в берлоге лежал да дышал на кусты.

Оттого и были кусты в инее.

Выстрелил охотник — и положил зверя на месте.

День зимний короткий. Пока охотник шкуру сдирал с медведя, и ночь подошла.

Как в темноте дорогу назад найти? И решил охотник ночевать в лесу.

Мороз был.

Охотник хватился спичек — костёр разжечь. А спичек нет. И тут не приуныл охотник. Говорил ему друг

хант, как он ночует зимой в лесу: завернётся в звериную шкуру, и тепло ему спать в снегу.

Охотник поднял медвежью шкуру — тяжёлая, тёплая шуба. Да внутри-то шуба вся в крови. Охотник перевернул медвежью шкуру мехом внутрь, завернулся в неё с ног до головы и лёг в снег.

Тепло в медвежьей шкуре! Охотник заснул.

Под утро приснился ему страшный сон: будто навалился на него медведь и давит, давит — вздохнуть нет сил!

Охотник проснулся — ни рукой, ни ногой шевельнуть не может.

Сковал мороз сверху медвежью шкуру, мокрую от крови. Как железными обручами сдавил охотника.

И слышит охотник: шуршит кто-то по снегу, подходит к нему.

«Ну, — думает охотник, — настал мой смертный час. Зачуял другой зверь мясо. Сейчас до меня доберётся, а я и ножа достать не могу».

А это подходил не зверь, а хант-охотник: его лайка нашла городского по следу.

Хант разрезал медвежью шкуру, выпустил из неё друга и говорит:

— Неладно ты завернулся. мехом наружу надо. Тогда и внутри тепло и снаружи мороз не возьмёт.

ПОГАНКИ

Становилось голодно, надо было подумать о мясе.

Я взял ружьё и пошёл на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошёл, стемнело. В тростнике закрикало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, — подумал я, — дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может, вернутся».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звёзды поблёскивали сквозь ветви. И шелестал свою приглушённую, несмолкаемую, как ручеёк, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звёзды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки. Сидеть стало холодно и неудобно. И уток не слышно было.

Наконец запела зарянка. Её цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти весёлой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж только из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводёнке, движутся две птичьих головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружьё, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щёк на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки — не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется — и с досады хлопнет ни в чём не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнёт её ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мёрзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг — раз! — как по команде «разом-кнись!» — одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицом друг к другу и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть!

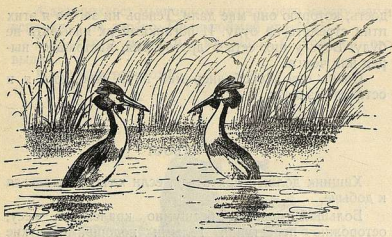
Сплылись — и нос к носу: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, какие они речи держать могут!

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы ещё на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивает из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво, — так и полыхают!

А в клюве у каждой платочек зелёной тины: со дна достали. И протягивают друг другу подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает... Золотые от его света комарики толкуются в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зелёные ладошки. Чудесно кругом!

Сзади сорока налетела — как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та ра-

~~24927~~

дость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чёмга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

ЗАДЕРИХВОСТ

Хищник должен прятаться, если хочет подтаиться к добыче.

Большой медведь бесшумно крался по лесу, осторожно переступая голыми подошвами сухие сучки.

Впереди на опушке была куча хвороста. За ней — луг.

Там паслись кони. Они часто поднимали головы, нюхали ветер. Но ветер дул от них на кучу. Кони поворачивали головы против ветра и ни чуют, ни видеть хищника не могли.

Вдруг в лесу из хвороста, как пузырьёк из лужи, выскочил крошечный задерихвост — птичка ростом в сосновую шишку; носик востренький, тельце орешком, хвостик торчком.

И шныряет всегда понизу, как мышь.

Как от него спрячешься, когда у тебя ноги и ступают они по земле?

Медведь пал на брюхо, вжался в мох. Да уж поздно: уже заметил его задерихвост.

Да как затрещит!

И откуда у крохи такой голос: за тысячу шагов вздрогнешь!

Кони заржали, умчались.

В ярости вскочил медведь — кинулся ловить нахального малыша.

Вмиг раскидал всю кучу.

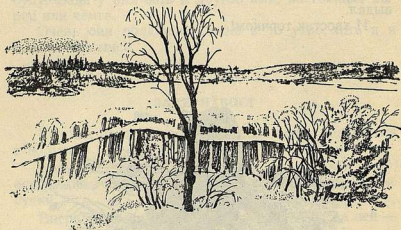
А задерихвост мышонком нырк у него между ног и
вспорхнул на дерево. Поди поймай его там!

Всю охоту испортил медведю. С головой его
выдал.

И хвостик торчком!

МОЙ ХИТРЫЙ СЫНИШКА

ПРИКАЗ НА СНЕГУ

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту — тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

— Вставай! Сегодня пойдём? Погода хорошая.

Ему на охоту идти — погода всегда хорошая. А зверя тропить, то-есть разыскивать по следам, не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь идти, а сынишка хныкать:

— Опять не хочешь! Всё откладываем да откладываем... Когда же наконец пойдём?

И придумал я военную хитрость.

— Слушай, — говорю, — мою команду!

Он сразу руки по швам.

— Есть! — говорит.

— Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтёшь мой приказ — выходить в поход или нет.

— Есть, — говорит, — выходить утром в сад!

Он лёг спать, а я взял палку и вышел из дому. Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами: сынишка у меня ещё маленький, только по-печатному разбирает:

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришёл будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Моё окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветренное, тёплое: градусник за окном показывал чуть-чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а все прежние кажутся одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришёл будить меня сынишка.

Утро было солнечное; ещё с ночи завернул такой мороз, что снег стал как пастила: сверху подсохла толстая корка — наст. По нему не только лёгкий зайчишка — волк и тот не провалится. И следа никакого не оставит — разве кое-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки

наполнились мёрзлой крупкой. В такую погоду найдёшь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принёс ничего хорошего.

Опять был мороз, да ещё с ветром-позёмкой. Сухой крупчатый снег мело по земле — пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдёт заяц утром с поля, где кормился — с жировки, — его следы сразу и припудрит.

Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал — приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

— Подъём! — вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

— Будись живо! — кричал сынишка. — Я уже чай пью.

Я только глянул в окно — и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе, на ветвях — всюду лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мёртвая пороша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег — лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы.

Утром в поле глазам охотника открывается мёртвая белая пелена. И только самые свежие — утренние — следы зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть — не только белоснежного беляка, даже серого русака.

Но только мы вышли за кладбище, сразу увидели след заячий.

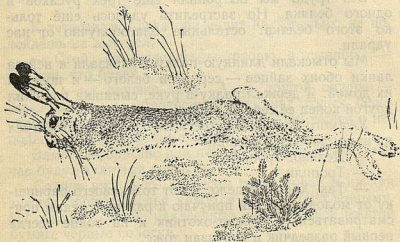
Слышу — сынишка шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

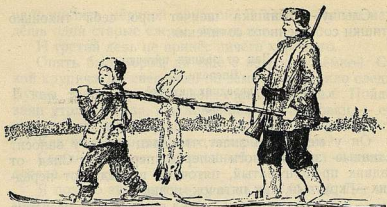
Лап от задних пяточки
Впереди,
От передних пятакі
Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперёд передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних — круглый, как пятак, позади.

— Сам на кладбище пошёл помирать, — уверенно доложил сынишка. — Поворачивать?

— Нет, постой, — предупредил я, заноса лыжи немного вбок. И снял с плеча ружьё. — Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след оборвался. Тут заяц двойку сделал: повернул и пошёл назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону. Погоди-ка, вон не у того ли куста он залёг?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули чёрные кончики длинных ушей.

Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже не дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили ещё трёх русаков и одного беляка. Но застрелить удалось ещё только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскивали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев — серого и белого — и понесли их домой. Я держал палку в руке, сынишка положил другой конец её себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

— Дельно! Тропили?

— Тропили.

— Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напоминало мне про мой приказ на снегу.

— А тебя всё-таки наказать надо, — сердито сказал я сынишке. — Ведь приказ-то был не будить меня!

— Я не виноват, — заявил он, несколько не испугавшись. — Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

— Как так? — не понял я.

— Сам посмотри.

Я взглянул через забор в палисадник.

Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

Б У Д И

Остальных букв не было и следа.

— Я вижу, — объяснил сынишка, — каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замёрз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

ТЕТЕРЕВА В ЛУНКАХ

К тетеревам, когда они сидят на деревьях, не подойдёшь на выстрел.

— Стой, не шевелись, — говорю я сынишке. — Смотри, что́ будет.

Мы — на опушке леса. А на другой опушке — через поле — на кружевных вершинах голых берёз сидят тетерева. Их десятка полтора. Они черны и неподвижны, как грачиные гнёзда.

Заметили они нас или нет? Если не заметили, сейчас будут валиться спать.

Солнце уже село. За лесом горит яркая и низкая зимняя заря. Деревья кажутся на ней обугленными. Их стволы — точно наклеенные на блестящей жёлтой бумаге чёрные полосы.

Вдруг одно из грачиных гнёзд обрушивается с ветки прямо на снег.

Это слетел первый тетерев-косач. За ним, как груши, падают с веток остальные. Вонзаются в снег, исчезают.

— Бежим к ним! — говорит сынишка и шуршит лыжами по мёрзлому снегу.

— Нет, — говорю я, — они ещё не заснули: не подпустят нас. Перелетят неведомо куда.

— А заснут, ты их всех перестреляешь?

— Не так-то просто! Через десять минут будет темно: стрелять нельзя. Но мы их и без ружья. Только точно запомни, где они в снег нырнули.

— Я точно. Вон у той двуствольной берёзы.

— Так. А теперь идём домой.

И по дороге я рассказываю сынишке свой план.

После ужина он, к удивлению матери, без всякого напоминания торопится лечь спать. А я чищу ружьё и вешаю его на стену: ночью оно нам не понадобится.

Я беру две корзины, с которыми летом мы ходили за грибами, и обвязываю их сверху тряпками. Достаю два сачка, которыми ловили рыбёшек и лягушек в пруду. И привожу в порядок два снятых с велосипедов фонаря.

В полночь за стеной — в хлеву — бьёт крыльями и несколько раз громко кукарекает наш петух. Один за другим ему отвечают другие деревенские петухи.

Вот у диких лесных петухов — у тетеревов — такого обычая нет. Они не поют среди ночи — спят крепко. Нам это и на руку.

Я бужу сынишку.

Морозец знатный! Месяца нет, но в чёрном небе искрятся звёзды, и снежное поле мерцает.

Мы на лыжах. У каждого корзина, сачок и спереди на поясе незажжённый фонарь. Мы идём туда, где на опушке под снегом спят тетерева.

Не дойдя до места, останавливаемся. Я зажигаю оба фонаря — сынишкин и свой.

Так ярко вспыхивают они, что невольно зажмуришься. Пришлось постоять, пока глаза не привыкли.

— Теперь, — шепчу сынишке, — корзину за спину, сачок в руки — и с лыж долой.

Увязая по колени в снегу, медленно и стараясь поменьше шуметь, подходим к двуствольной берёзе.

Перед каждым из нас резкая струя света. В нём каждая соринка видна на снегу. А кругом черным-черно.

Вижу: слева от берёзы лунка — полукруглая неглубокая ямка. На дне её рыхлый, обвалившийся с краёв снег. Справа от берёзы такая же лунка.

Перешёптываемся с сынишкой. Он идёт к левой, а я — к правой.

Не отрываю глаз от лунки, подкрадываясь к ней.

Знаю: тут тетерев. Нырнул в снег, как в воду, и холодная сухая вода скрыла его под собой.

В глубине тетерев шагнул два-три раза. Потоптался на месте, как укладывающаяся спать собачка. Образовалась пещерка. Он повернулся носом к выходу. Поджал лапки. Улёгся.

Спит.

Тепло в подснежной спаленке. И темно-темно!

Вот я уже в трёх шагах от неё.

Ещё шаг — и вдруг снежный взрыв, что-то чёрное в нём с шумом и треском вырывается из лунки. Косач!

И, ослеплённый нестерпимо ярким светом, падает на снег — не может лететь.

Вертится на снегу, как большой жук.

Я кидаюсь к нему с сачком.

Слышу, справа и слева от меня с шумом поднимаются тетерева. И что-то кричит сынишка.

Но мне не до него: стараюсь сачком накрыть косача. От резких движений фонарь прыгает у меня на животе, свет мечется по снегу, как струя из пожарной кишки в руках расшалившегося мальчишки. Косач на миг исчезает во тьме, но я тут же — наизусть уже — накрываю его.

Есть!

Со всей силы жму сачок в снег. Перехватываю палку. Подсовываю под сачок руку.

Сачок пуст...

Эх ты, какой же я неловкий!

Да что там всё время кричит сынишка?

Где он? Куда девался его фонарь?

Направляю струю света на голос; сынишка за берёзкой — лежит в снегу.

В несколько скачков я около него.

Кричит:

— Тихонько, тихонько, осторожно!

— Да что с тобой?

— Тихонько сунь руки. Под живот, под самый живот!

Я коленями в снег, руками — без перчаток снег жжёт! — под сынишку и хватаю жёсткие толстые перья. Крепко держу за крыло, перехватываю за царапающие лапы, тащу!

Косач!

Он так сильно рвётся, что вот-вот выпущу.

Но сынишка уже на ногах. Хватает косача за свободное крыло, и вместе мы засовываем живую добычу в корзину, крепко обвязываем корзину тряпкой.

— Я гляжу, — торопится рассказать сынишка, — из снега прямо у ног моих высунулась голова. Чёрная. Вертит носом, глазами хлопает. Я — бух в снег, прямо на неё. Он подо мной ворочается, щекочет. Ору, ты не слышишь. А ловко я его пузом-то?

Ловко-то ловко, что и говорить! А вот стекло у фонаря раздавил, конечно, и сачок сломан.

Ну, да это не считается, когда живого косача руками поймал. К тетеревам, когда они на деревьях сидят, и на выстрел не подойдёшь.

МЫШАРИК

Когда снег покрыл землю, в избе стали нас донимать мыши. Мой сынишка поставил на них мышеловку-живоловку.

Утром смотрим — приманка съедена и в мышеловке лежит мёртвая мышь. Полевая мышь: крупная, с блестящим чёрным ремешком на спине.

В поле голодно стало — вот она и пришла в избу. Это понятно.

Но почему она мёртвая?

Рассмотрели — череп у неё прогрызен и мозг выеден. Кто это сделал? Какой хищник мог протиснуться сквозь частую проволоку живоловки — такую частую, что даже мыши сквозь неё не пролезть?

Вечером сынишка опять насторожил живоловку. И мы легли спать. Я скоро заснул, а он, оказывается, не спал — караулил. Ночь была лунная.

— И вот, — рассказал он утром, — когда все заснули и всё затихло, из-под пола вылезла большая мышь. Она села на задние лапки, пошевелила усами и потом сразу побежала к мышеловке. Вошла в неё и — дёрг за приманку!

На полу белый свет из окна — мне всё видно.

Трык! — дверца захлопнулась, воровка попалась.

Со страху она забила в угол и больше не трогала приманки. Я всё не сплю: смотрю, что дальше будет.

Вдруг катится к мышеловке мышарик.

— Кто? — перебил я сынишку.

— Мышарик. Ну, знаешь, я такой придумал — девочек пугать.

— Ничего не знаю, — сказал я. — Какой такой «мышарик»? Как так — пугать?

— Ну, такой шарик, блестящий. От детского билиарда, знаешь? Я попросил маму, она мне зашила его в серенькую тряпочку. А сзади хвостик тряпичный. Покатишь по полу — он, совсем как мышка, бежит. Только хвостик по полу шлёпает. Да всё равно девочки боятся: думают, настоящий да ещё какой-нибудь очень страшный, кусачий.

— Так это ты свой мышарик к мышеловке покати?

— Совсем не я. Какой ты непонятный! Живой мышарик. Он сам.

— Бежит и хвостом по полу шлёпает?

— Нет, у этого хвостик не шлёпал.

— Гм... Ну, дальше?

— Ну, он к мышеловке. Вытянулся тоненькой колбаской и скользнул между двух проволок.

Вот мышь испугалась! Бегает по мышеловке.

А мышарик — прыг! — прямо ей на спину. Мышь и упала мёртвая.

Мышарик посидел-посидел у неё на голове. Потом скатился — и к приманке. Приманку съел, ещё рыльце поднял и — марш из мышеловки. Под твою кровать закатился.

— Стой, — опять перебил я сынишку. — А рыльце у него какое, видел?

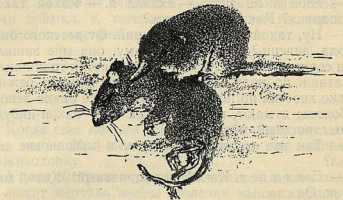
— Видел. Длинноносенькое, хоботком. Только не такой хобот, как у слона, а востренький.

— А!.. — сказал я. — Тогда всё понимаю. Это землерой. Самый крошечный зверь, сродни кроту и

ежу. Он жуков ест и вот даже с крупной мышью справляется. Он и в избу к нам за мышами пришёл.

— Это он в лесу землерой, — сказал сынишка. — А в избе земли нет. Я так и буду его звать — мыширик.

— Ну что ж, зови.

ПРО ОДНОГО МАЛЬЧИКА

Дробинка

Отец подарил мальчику маленькое дробовое ружьё. Мальчик устроил себе на берегу пруда шалашик и стал ждать уток.

Наконец прилетели два чирка. Селезень был очень красив: весь пёстрый и на ржавой голове две яркозелёные полосы. А утка была серенькая, скромная, только на крыльях у неё блестели зелёные пёрышки.

Когда чирки подплыли к шалашу, мальчик выстрелил. И случилось так, что целился он в красивого селезня, а попал в утку.

Тогда селезень взвился в небо, дал в воздухе один круг, другой круг, потом вдруг сложил крылья — и камнем полетел вниз. Он упал на берег и, конечно, разбился насмерть.

Мальчик подумал: «Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без неё».

Мальчик прибежал домой в слезах и стал рассказывать отцу, как он попал в уточку и как селезень тогда нарочно взвился в облака и оттуда камнем упал на землю.

Отец хорошенько рассмотрел птиц и показал мальчику, что у селезня в голове маленькая ранка.

Значит, селезень не потому упал, что не хотел без подружки жить, а оттого, что ему в голову тоже попала одна дробинка — смертельная.

Птичья песенка

Через год этот мальчик научился хорошо стрелять из своего ружья. Попадал в птиц даже на лету.

Один раз он шёл лесной просекой. Снег только ещё начинал таять. Только что прилетели стайки зябликов.

Зяблики прыгали по голым ветвям деревьев, слетали на проталинки — поискать себе еду. Все они были, как на подбор, красавцы: краснощёкие, лиловогрудые, с белыми перевязками на крылышках.

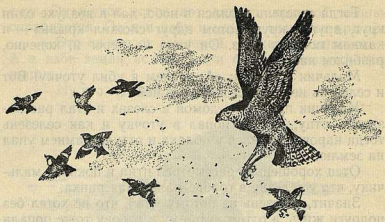
Мальчик знал, что это были самцы: зябличихи прилетят позже, через несколько дней. Зяблики не пели.

«Не время ещё им петь, — думал мальчик. — Пока не прилетят зябличихи, не услышишь их песен».

Вдруг что-то серое мелькнуло сбоку между деревьями и упало на проталину.

Как ветром сдуло зябликов с просеки. С тревожным пинканьем и рюмканьем они скрылись в лесу.

А с проталины перед мальчиком взлетел небольшой серый ястреб. В когтях у него был зяблик.

Пока мальчик снимал с плеча ружьё, ястреб повернул и полетел вдоль просеки.

Теперь мальчик видел только его спину. И выстрелил в неё.

На миг ястреб остановился в воздухе. Когти его разжались, из них выпорхнул зяблик.

Ястреб мёртвый упал на землю.

Спасённый зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику и вдруг запел.

Сперва он будто захлёбывался песней, пел тихо. Потом звонче и звонче. И вдруг оборвал на самой весёлой ноте.

Мальчику очень понравилась песенка. Он подумал: «Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба».

Мальчик снял шапку и замахал зяблику:

— Не за что, не за что! Лети себе на здоровье.

Зяблик улетел. Тогда мальчик подобрал застреленного ястреба и побежал домой.

Дома он рассказал отцу, как спас зяблика и как зяблик поблагодарил его звонкой песенкой.

Но отец сказал:

— Всё-то ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

— А для чего же? — спросил мальчик.

— Ни для чего. Ушёл из когтей ястреба, вот и запел. Поёт и сам не знает, почему, отчего, для кого он поёт. А что это ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал. Обрадовался — и запел.

Голубые лягушки

Прошёл месяц, снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Мальчик подошёл к канаве. Лягушки сразу замолчали и — бульк-бульк-бульк! — попрыгали в воду.

Канавка была широка. Мальчик не знал, как через неё перебраться. Он стоял и думал: «Из чего бы тут сделать мостик?»

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пенье нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие крикают вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели:

«Тур-лур-лурр!»

Мальчик взглянул на них и ахнул от удивления: лягушки были голубые!

До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушечьего цвета: серо-буро-коричневые или зелёные. Он даже держал одну зелёную дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти — в канаве — только горлышки раздували,

и горлышки у них тоже были красивого светлоголубого цвета.

Мальчик подумал: «Наверно, ещё никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!»

Он живо поймал трёх лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал: «Смотрите, голубые лягушки!»

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трёх лягушек прямо на стол.

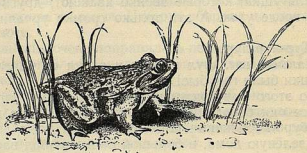
Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек — раскрыл рот от удивления и густо покраснел: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушечьего цвета — серо-буро-коричневые.

Но отец мальчика сказал:

— Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют: становятся нежноголубого цвета.

Не всякий из вас это видел.

ПО СЛЕДАМ

ПО СЛЕДАМ

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко: бело кругом. Замело лесникову избушку снегом. Белый стоит лес.

Знает Егорка полянку одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придёшь — стадо куропачей из-под ног. Фррр! Фррр! — во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые! А намедни видал Егорка на поляне ещё след — неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот бы самому выследить по следу диковинного зверя. Это тебе не заяц! Это и тятка похвалит.

Загорелось Егорке: сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валяные подшивает.

— Тять, а тять!

— Чего тебе?

— Дозволь в лес: куропачей пострелять!

— Ишь, чего вздумал, на ночь глядя-то!

— Пусти-и, тять... — жалобно тянет Егорка.

Молчит отец. У Егорки дух заняло — ой, не пустит!

Не любит лесник, чтоб парнишка без дела валандался. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Всё в избе да в избе...

— Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерек назад. А то у меня расправа коротка: отберу фузею и ремнём ещё настагаю.

Фузея — это ружьё. У Егорки своё, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привёз. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него бить можно. Хорошее ружьё. Отец знает: бердана для Егорки — первая вещь на свете. Пригрози отнять — всё сделает.

— Мигом обернись, — обещает Егорка. Сам уже полушубок напялил и берданку с гвоздя сдёрнул.

— То-то, обернись! — ворчит отец. — Вишь, по ночам волки кругом воют. Смотри у меня!

А Егорки уж нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи — и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошёл в сарай — сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать. Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: нальнуло раза три. А с тех пор — ничего.

Ещё время прошло. Лесник зашёл в избу, поправил фитиль в лампе, зажёг её. Вынул каши горшок из печи.

Егорки всё нет. И где запропастился поганец?

Поел. Вышел на крыльцо. Темь непроглядная.

Прислушался — ничего не слышать.

Стоит лес чёрный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нём!

— Воууу-уу!..

Вздрогнул лесник. Или показалось?

Из лесу опять:

— Воуу-уу!..

Так и есть, волк! Другой подхватил, третий... це-

лая стая! Екнуло в груди: не иначе, на Егоркин след напали звери!

— Вуу-вооу-уу!..

Лесник заскочил в избу, выбежал — в руках двустволка. Вскинул к плечу — из дул полыхнул огонь, грохнули выстрелы. Волки пуще. Слушает лесник: не отзовётся ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо: «бумм!»

Лесник сорвался с места, ружьё за спину, подвязал лыжи — и в темноту, туда, откуда донёсся Егоркин выстрел.

Темь в лесу — хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колют лицо. Деревья плотной стеной — не проредёшься.

А впереди волки. В голос тянут:

— Вуу-оо-уууу!..

Лесник остановился; выстрелил ещё.

Нет ответа. Только волки. Плохо дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шёл на волчий голос.

Только успел подумать: «Воют пока — значит, ещё не добрались...» Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошёл лесник ещё вперёд. И стал.

Выстрелил. Потом ещё. Слушал долго.

Тишь такая — прямо ушам больно.

Куда пойдёшь? Темно. А идти надо.

Двинулся наугад. Что ни шаг, то гуще чаща.

Стрелял, кричал. Никто не отвечает. И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.

Наконец совсем из сил выбился, осип от крика.

Стал — и не знает, куда идти: давно потерял, в какой стороне дом.

Пригляделся: будто огонёк из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?

Пошёл прямо на свет. Вышел из лесу: чистое место, посреди него изба. В окошке свет.

Глядит лесник — глазам не верит: своя изба стоит!

Круг, значит, дал в темноте по лесу.

На дворе ещё раз выстрелил. Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делают.

Пропал парнишка!

Скинул лесник лыжи, зашёл в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил да так и замер.

Лампа на столе зачадила, мигнула и погасла. Не заметил лесник.

Мутный забелел свет за окошком.

Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.

Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружьё.

Вышел на двор — светло. Снег блестит.

Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж. Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал: «Если б луна ночью, может, и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать! А то бывает же такое: может, и жив ещё?..»

Приладил лыжи и побежал по следу.

Борозды свернули влево, повели вдоль опушки.

Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге. А в книге той записано всё, что с Егоркой приключилось за ночь. Глядит лесник на снег и всё понимает: где Егорка шёл и что делал.

Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.

Сорок, значит, спугнул Егорка. Мышковали тут сороки: кругом мышиные петли-дорожки.

Тут зверька с земли поднял.

Белка по насту прыгала. Её след. Задние ноги у неё длинные — следок от них тоже длинный. Задние ноги белка вперёд за передние закидывает, когда по земле прыгает. А передние ноги короткие, маленькие — следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там её и стукнул. Свалил в снег с ветки.

«Меткий парнишка!» — думает лесник.

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу — и дальше пошёл в лес.

Покружили, покружили следы по лесу и вывели на большую поляну.

На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы — малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли и смётки — прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрыхлён, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарывшись.

Услышали птицы Егорку, вспорхнули. А он выпалил. Все улетели; одна шмякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх, лихой рос охотник: птицу на лету валил! Такой и от волков отбиться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше — сами ноги бегут, поспевают.

Привёл след к кусту — и стоп!

Что за леший!

Остановился Егорка за кустом, толчётся лыжами на месте, нагнулся — и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше колесить стал. Э, да тут звериные следы! Величиной с лисьи, и с когтями...

Что за диковина? Сроду такого следа не видано: не велика лапа, а когтищи с вершок длиной, прямые, как гвозди!

Кровь на снегу: пошёл дальше зверь на трёх. Правую переднюю Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам, гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться: подранка разве охотник бросит?

Только вот что за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста... Парнишке много ли надо!

Глубже и глубже в лес лыжный след — сквозь кусты, мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Ещё на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, бережёт? Вот это место — за вывороченными корнями — и добить бы зверя. Некуда ему тут податься.

А руками разве скоро возьмёшь? Сунься к нему, к раненому! Обозлённый-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжёлый: дырья от него в снегу глубокие.

Да что же это: никак снег падает? Беда теперь: занесёт след, тогда как быть?

Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след, за ним — лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди просвет. Лес пошёл редкий, широкоствольный. Тут скорей ещё следы засыпает, всё хуже их видать, трудней разбирать.

Вот наконец: догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нём, серая жёсткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, что за зверь такой? Только неладно тут как-то наслежено. На оба колена парнишка в снег упал...

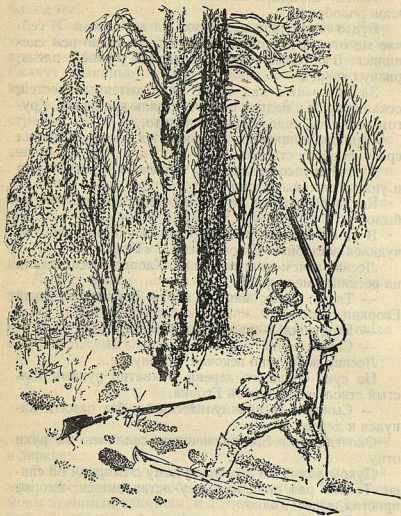
А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие глубокие ямы в снегу: бежал Егорка, провалился...

И вдруг — спереди, справа, слева, наперерез — машистые, словно собачьи, следы.

Волки! Настигли проклятые!

Остановился лесник: на что-то твёрдое наткнулась его правая лыжа. Глянул: берданка лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мёртвой хваткой схватил вожак за горло, выронил парнишка ружьё из рук, — тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул лесник вперёд: хоть бы одёжки-клок подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями. И сейчас же оттуда глухое рычание и тявк, точно псы сцепились. Выпрямился лесник, сдёрнул ружьё с плеча, рванул вперёд.

За деревьями над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели ещё несколько.

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выпалил сразу из обоих стволов.

Ружьё крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошёлся пороховой дым, волков уже не было.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: «Тять!»

Лесник зачем-то снял шапку. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

— Тять!.. — так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

— Егорушка! — простонал лесник.

— Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся...

На суку большого дерева, обхватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

— Сынок! — вскрикнул лесник и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться: Егорка пристал, лепечет одно:

— Тять, бердану мою подбери, бердану...

* * *

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжёлой овчиной. Глаза его блестели, тело горело.

Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

— Слышу, волки близко, — рассказывал Егорка. — Сдрейфил я! Ружьё выронил, лыжи в снегу завязли — бросил. На первое дерево влез — они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щёлкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тять!

— Молчи, сынок, молчи, родимый! А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

— А барсука, тять! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал когти-то?

— Барсук, говоришь? А мне и невдомёк. И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь, вылез в оттепель, засоня! Спит он в мороз, редкую зиму вылезает. Погоди вот — вот весна придёт, я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе нипочём такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свалилась набок, глаза сами закрылись. Он спал.

Лесник взял у него из рук блюдо, плотней прикрыл сына овчиной и глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала и кружила в воздухе белые лёгкие хлопья — засыпала путанные лесные следы.

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец через несколько дней я, проснувшись утром, увидел в окошке ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс. Пришлось направиться вдоль по реке. С неё, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лёд.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на её крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нём слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу чёрное пятно.

Оказалось, что это мёртвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья.

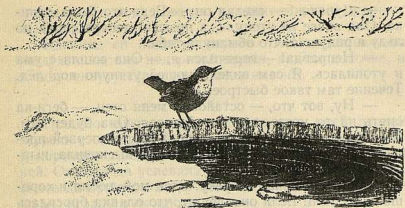
Я поднял её и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всём теле её не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую, крепкую птицу, замёрзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся ещё сегодня поймать какую-нибудь полумёртвую птичку. Я снесу её домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю её, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она

дёргала коротким хвостом и заливалась на все лады самой весёлой песней.

«Вот сумасшедшая! — подумал я. — Как она может радоваться в такой мороз!»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть её. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я ещё видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела под водой. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и с открытым ртом.

«Утопилась!» — мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слёзы навернулись мне на глаза.

Я прибежал домой, к отцу, с мёртвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

— Дурачок! — сказал он. — Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

— Неправда! — горячился я. — Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как её утянуло под лёд. Течение там такое быстрое...

— Ну, вот что, — остановил меня отец, — беги-ка опять на то место, где ты её видел. Она будет там. А если её там нет, значит, неподалёку от первой проруби есть вторая. Через неё оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лёд.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, значит, есть ещё надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошёл к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, как пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби. Я с трудом верил своим глазам. Мне всё хотелось ещё поближе рассмотреть её. Несколько раз подряд я заставлял её кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал ещё тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица по-

гружается в воду, воздух пузырится на её жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

* * *

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил её. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у неё был такой весёлый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали её водяным воробьём.

* * *

В конце зимы снова затрещали морозы, ещё крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать её, прежде чем я находил её где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у неё был грустный и недовольный.

Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замёрзли. Лёд мешал оляпке нырять в воду за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице.

«Может быть, — думал я, — она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я нашёл на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

— Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто

отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

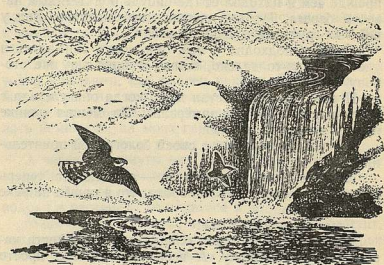
Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошёл вдоль реки.

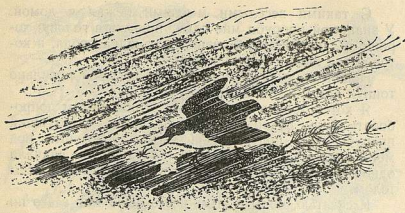
Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шёл, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струёй хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья. Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду.

Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал её серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что случилось с оляпкой. А я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чём не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно её голоса. Но по её движениям я понял, что она поёт свою весёлую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему тёплый. Солнце припекало, и вокруг меня с лёгким звоном рушился снег. Был уже конец марта. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими весёлыми мыслями бежал я домой. У знакомой проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодная вода, в которой так любит купаться оляпка.

Недолго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лёд, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесие, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный, выскочил я на лёд и, стуча зубами от холода, сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слёг в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне ещё досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

— Только сумасшедшие, — говорил отец, — нарочно лезут в воду зимой.

— А оляпка? — перебил я.

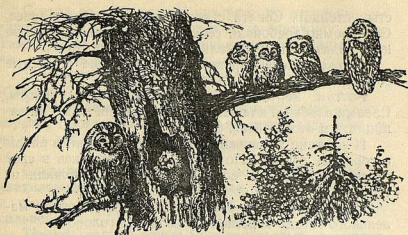
Отец рассмеялся — и больше не стал бранить меня.

ЛЕСНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

В дупле корявого дерева среди глухого леса поселились две совы — серые неясыти.

Ранней весной неясыть-самка снесла прямо на трухлявое дно дупла четыре круглых белых яйца.

Совы вылетали из дупла только по ночам, когда все другие птицы спят. Поэтому никто в лесу не знал, где живут эти страшные ночные разбойники.

Не знали этого и крошечные корольки с огненно-жёлтыми шапочками на голове. Они долго искали по всему лесу спокойное место для своего гнезда. В конце концов они выбрали высокую ёлку — как раз рядом с корявым деревом, где прятались совы.

В начале лета, когда в дупле вылупились совята, корольки тоже устроили себе гнездо.

Высоко над землёй, на самом кончике ветки они ловко сплели гибкие иглы хвои.

Совам казалось снизу, что на широкой еловой лапе перепутались в клубок мелкие веточки. Им и в голову не приходило, что в этом клубке было уютное круглое гнездо из мха, стебельков травы и крепкого конского волоса. Сверху корольки убрали гнездо еловым лишайником, в стенки вплели тонкие паутинки, а внутри выстлали пёрышками; на эту мягкую подстилку самка отложила восемь розовых с бурыми крапинками яиц величиной с горошину.

Не прошло и двух недель, как в гнезде у корольков забарахтались голые малютки.

Совята к этому времени уже подросли. Старые неясны ловили ночью в лесу мышей и птиц, разрывали на куски и кормили ими своих голодных пуши-

стых птенцов. Совята становились всё прожорливее. Они громко требовали себе мяса даже днём, если за ночь родители не успевали досыта накормить их.

Только теперь корольки узнали, какие страшные соседи жили под их гнездом.

Ростом корольки были не больше стрекозы. Своими слабыми клювами и лапками они не могли защищаться от свирепых сов.

И всё-таки маленькие птички остались жить рядом с совиным дуплом. По ночам они забирались в своё гнездо, прикрывали собой птенчиков и дрожали от страха при каждом крике голодных совят.

Совы рыскали по всему лесу, но не замечали маленького гнезда корольков у себя над головой.

Наконец совята покрылись перьями, вылетели из гнезда и научились сами себе добывать еду.

* * *

Осенью вся совиная семья разбрелась по лесу. Каждая сова облюбовала себе для охоты часть леса и поселилась в ней. Ночью неясити бесшумно облетали дозором свои владения.

Если другая сова залетала к ним в лес, они набрасывались на неё и били когтями и клювами до тех пор, пока враг не спасался бегством.

Тут уж они не разбирали, не приходится ли им другая сова дочерью, сестрой или матерью. Они были свирепые хищники, жили каждая в одиночку — никому не давали пощады.

А корольки дождались, пока их птенцы научились летать, и всей семьёй переселились в другой лес. Там они устроили себе новое гнездо и второй раз в то лето вывели и выкормили птенцов.

К осени оба выводка корольков соединились в одну дружную семью. А чтобы веселей было проводить суровую, холодную зиму, они пристали к стайке других птиц, кочевавших в лесу. Стайка эта несла службу разведчиков.

С утра до ночи птички шныряли по деревьям, заглядывали в каждую трещинку и скважину коры. Там прятались со своими личинками и яичками жуки — древоточцы, листогрызы, короеды.

Этих маленьких врагов леса птички выслеживали и ловили.

А когда замечали хищного зверя или птицу, с которыми сами не могли справиться, поднимали тревогу на весь лес.

* * *

Случилось так, что одной из молодых неясей не хватило места в том лесу, где она выросла. Родители и сёстры прогнали её от себя, потому что были сильнее.

Тёмной осенней ночью молодая неясеть покинула родной лес.

Долго она летала в темноте над лугами и рощами, высматривая, где бы ей поселиться. Наконец опустилась в небольшой лес и принялась искать себе в нём подходящее для жилья дупло. Вдруг из чёрной чащи раздался протяжный, жалобный голос:

— Сплю-у! Сплю-у!

Злым блеском сверкнули глаза неясети, и сами собой разжались когти. Она узнала голос другой совы.

Прежде чем селиться здесь, надо было выдержать бой с врагом. А это не так просто, потому что, защищая своё гнездо, даже маленькая сова может справиться с большой неясетью.

— Сплю-у! Сплю-у! — донеслось опять из тёмной чащи.

Неясеть бесшумно понеслась на врага.

В чаще на сухой ветке сидела маленькая совка-сплюшка. Над головой у неё торчали острые рожки.

Неясеть громко щёлкнула своим страшным роговым клювом. Сплюшка скользнула с ветки и быстро исчезла в темноте. Ей совсем не хотелось драться с большой и сильной неясетью. В другое время она не

уступила бы своего гнезда без боя. Но был уже сентябрь: ей пора было лететь на юг.

Издали ещё раз донеслось её грустное:

— Сплю! Сплю! — и всё смолкло.

Неясыть облетела весь лес. Больше в нём не оказалось сов. Она осталась здесь одна.

Это был тот самый лес, где поселились корошки.

Хорошо жилось неясыти на новом месте. Днём она пряталась в дупле, а по ночам охотилась. Она тихо вылетала на большую поляну среди леса и усаживалась всегда на одно и то же дерево у самой опушки. Тут она неподвижно сидела. Прислушивалась к ночным шорохам.

Прошуршит ли мышь опавшими на земле листьями, мелькнёт ли под кустом быстрая тень зайчонка — неясыть сорвётся с ветки и в несколько взмахов достигнет зазевавшегося зверька. Кривые когти внезапно вонзятся в спину зверьку. Крылатое чудовище оторвёт его от земли и ударом клюва прикончит в воздухе.

С тёплой добычей в когтях неясыть возвращается на своё дерево и тут съедает её. Только шёрстку бросает на землю.

И с каждым днём под сторожевым деревом неясыти валялось всё больше и больше круглых комков шерсти.

Попадались среди них и комочки птичьих перьев. Неясыть никогда не пропускала случая захватить врасплох спящую птицу. Во всём лесу она не трогала только чёрных воронов. Вороны были больше её. Неясыть боялась их крепких, острых клювов.

* * *

Раз ночью неясыть сидела на сторожевом дереве. Светила луна, ветер стих, и кругом была мёртвая тишина.

Днём выпал снег, и теперь весь лес вспыхивал искрами.

Вдруг рыхлый ком снега сорвался с широкой еловой лапы на опушке поляны и мягко упал на землю.

Неясыть скользнула с дерева и полетела через поляну к тихо качавшейся ветке.

Словно огромная ночная бабочка, она затрепетала крыльями на одном месте. Её глаза пристально уставились в тёмную глубину ели.

Там, на ветке, у самого ствола, спали, тесно прижавшись друг к другу, корольки.

Острый взгляд совы ясно различил во тьме маленькие пушистые клубочки перьев. Больше десятка корольков сидело рядом. Короткие хвостики птиц торчали по обеим сторонам ветки.

Холодный ветер от крыльев совы забрался королькам под крылья. Птички вздрогнули и проснулись.

В тот же миг сова бросилась на них с растопыренными лапами.

Три маленькие птички сразу забились в её когтях. Остальные в страшном смятении бросились куда попало.

Широкая тень совиных крыльев скользнула по белому снегу поляны. Неясыть вернулась с добычей на своё дерево. Из темноты на весь лес раздался её пронзительный смех и вой.

Перепуганные корольки забились в густую хвою еловых лап. Так провели они всю ночь, чуть живые от страха. Наконец стало светать.

— Тук-тук-тук-тэrrrrr! — забарабанил зорю дятел.

Роща просыпалась.

Корольки всё ещё не решались покинуть ёлку.

Где-то в глубине леса крикливые кукушки затеяли громкую перебранку.

Последними подлетели корольки.

— Тарrr-эрrrr! — нетерпеливо барабанил дятел.

— Ци, ци, ци! — летим, летим! — со всех сторон отвечали ему синицы.

Медлить было нельзя. Корольки полетели догонять других птиц.

Пёстрый дятел с красным околышем на шапке был главным предводителем всех лесных разведчиков.

Он сидел на сухой берёзе и барабанил носом по суку. Его команда собралась уже на соседних деревьях.

Тут был поползень в голубом мундирчике с белой грудью. Были две серые пищухи с кривыми, как шило, носами. Были стайки синиц: скромных сереньких пухлячков, бойких москочек и гренадёриков в бурых шинельках и высоких остроконечных шапках.

Дятел перестал барабанить, высунул голову из-за ствола и одним глазом взглянул на птиц.

Увидев, что все в сборе, он громко крикнул: «Кик!» Потом соскочил с берёзы и молча полетел вперёд, словно ему и дела не было до маленьких разведчиков.

— Твуть! — свистнул поползень и пустился за дятлом.

Поползень один во всем лесу умел бегать по стволу головой вниз. Он водил за собой всю команду, когда дятел отлучался по своим делам.

Свистя и передразнивая поползня, полетели за ним стайки синиц, пищухи и корольки.

Дятел опустился на старую ольху и короткими прыжками, упираясь хвостом в ствол, стал подниматься вверх.

Синицы прыгали по ветвям, вертясь и кувыркаясь, как акробаты. Корольки рассыпались по ёлкам и скользили в длинной хвое. А поползень и пищухи лазили вверх и вниз по стволам и ветвям. Разведка шла полным ходом. Птицы высматривали притаившихся насекомых и ловили их.

— Кик! Кик! — покрикивал дятел и перелетал с дерева на дерево.

Весёлая ватага маленьких лесных разведчиков передвигалась вслед за ними. Лес наполнился их свистом, писком и песнями, словно было лето.

А кругом лежал снег. Утро было морозное, ясное. Корольки летали вместе с другими птицами. Но их тоненькая песня звенела печально. В их дружной стайке недоставало троих, погибших ночью.

От дерева к дереву птицы добрались уже до большой поляны среди леса. На краю её под толстой берёзой корольки заметили круглые комки перьев и шерсти. Из одного комочка высывалось зеленоватое крылышко с двумя белыми полосками.

Королькам стало страшно: они узнали крылышко одного из своих погибших братьев.

— Крок! Крок! — раздалось в эту минуту громкое карканье с вершины высокой ели.

Корольки вздрогнули и притаились. Им почудился страшный хохот ночного чудовища.

Прошло несколько минут, пока они узнали хорошо знакомый голос ворона.

В это время дятел увёл свою команду в глубину чащи.

Корольки поспешили на его удаляющийся крик.

В чаще было сумрачно и жутко. Корольки пугливо озирались по сторонам. Они чувствовали, что сова сидит теперь где-нибудь здесь, поблизости, спрятавшись от их глаз.

Внезапно из-за дерева вывернулась желто-бурая птица с хохлом на голове. Корольки бросились врассыпную. Но бурая птица сейчас же снова скрылась в чаще. За ней, одна за другой, пронеслись ещё три такие же птицы.

Это были маленькие лесные вороны — кукушки. На королюков они не обратили никакого внимания.

Дальше корольки увидели гнилое дерево с большим чёрным дуплом посередине. Из дупла на них повеяло сыростью и гнилью. Корольки поспешили прочь.

Наконец впереди показался просвет, и корольки вылетели на маленькую, залитую солнцем полянку. Тут стоял пенёк, и они увидели на нём большой уродливый древесный гриб.

Только что собрались корольки пролететь мимо него, как вдруг серые веки гриба медленно поднялись. Под веками зажглись большие круглые глаза и уставились вверх, прямо в ослепительный круг солнца.

Только теперь корольки разглядели кошачье лицо, крючковатый клюв и мохнатые, когтистые лапы большой серой неясности.

Приспустив крылья и распушив перья, сова грелась на солнце.

Корольки сразу узнали в ней чудовище, напавшее на них ночью.

Огненно-жёлтые перья дыбом встали у них на голове.

В один миг они скрылись под защиту ветвей. Оттуда тоненькими, комариными голосами они подали тревожный сигнал.

— Ци, ци, ци! — летим, летим! — сейчас же ответили им издали синицы.

— Кик! — громко отозвался дятел.

Сова быстро подобрала крылья и насторожилась.

Увидев маленьких птиц, она скорчила такую злобную гримасу, что корольки в испуге шарахнулись в самую глубину ветвей.

Тут на выручку к ним подросли лесные разведчики.

Дятел сел на дерево и громко забарабанил и закричал. Поползень и пищухи сновали по ветвям и пронзительно посвистывали. А смелые синицы прямо ринулись в бой и с писком и свистом стали кидаться на сову, чуть не задевая её своими короткими крыльшками. Расхрабдившиеся корольки сейчас же присоединились к ним.

Неясыть грозно щёлкала клювом. Она не трогалась с места и только выкручивала шею, поворачивая голову во все стороны, даже прямо на спину. Яркий солнечный свет бил ей в глаза, а птицы кружились над ней, как вихрём поднятые листья. Она не могла схватить увёртливых маленьких разведчиков.

При солнечном свете они хорошо видели каждое её движение и в один миг бросались в стороны. Они кидались на неё со всех сторон сразу, дразнили её.

Неясыть сидела, ярко освещенная солнцем, у всех на глазах, всем ненавистная. Она чувствовала себя очень нехорошо. Ей хотелось улизнуть, скрыться с глаз, спрятаться в своём глубоком, тёмном дупле. Она уже повернулась на пне, чтобы улететь в чащу.

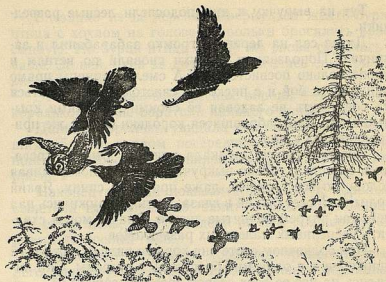
Но в этот миг с криком выскочили из чащи кукши.

Они слышали тревожные сигналы разведчиков, заметили сову и яростно набросились на неё.

Маленькие разведчики обрадовались неожиданному подкреплению. Кукши с их поднятыми хохлами, взъерошенными перьями, крикливые и злые, показались им большими и сильными птицами. Но сову они не могли напугать: она знала, что одним клювом может расправиться с любой из них. Гораздо страшней их клювов был для неё резкий, отвратительный крик их. Её нежный слух страдал от сильного шума.

Она взмахнула крыльями и поднялась на воздух.

Путь к дуплу был отрезан нападающими. Она взмыла вверх и медленно полетела над лесом, высматривая, куда скрыться от надоедливых птиц. Кукши

и маленькие лесные разведчики бросились за ней. Их крики разнеслись в морозном воздухе над всем лесом.

Чёрные вóроны услышали их с вершины высокой ели. Их зоркие глаза сразу заметили над лесом сову. Всей семьёй вóроны поднялись с ели и, рассекая воздух широкими крыльями, понеслись наперерез сове.

Услыхав за собой их крик, неясь повернула в другую сторону и помчалась так быстро, как только могла. Она знала, что ей несдобровать, если вóроны догонят её.

Корольки не могли поспеть за ней на своих коротких крылышках и вернулись назад в лес.

Они сделали всё, что могли: нашли врага и позвали больших птиц.

Все дневные птицы ненавидят сов и всегда дружно бросаются преследовать их, если заметят днём.

Так случилось и в этот раз.

Вороны гнали неясыть до тех пор, пока ей не удалось спрятаться от них. Тогда они вернулись к себе на высокую ель.

А загнанная, перепуганная насмерть неясыг дождалась ночи и отправилась отыскивать себе другое место для жилья.

Нашла ли она не занятый другой совой лес или сама попала в когти более сильному хищнику — неизвестно. Но в тот лес, где жили дружные лесные разведчики, она больше не вернулась.

И больше уже никто не пугал по ночам корольков, когда они спали на ветвях — хвостик туда, хвостик сюда.

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Музыкант	3
Голубой зверёк	4
Чёрная лисица	7
Непонятный зверь	9
Про двух охотников	11
На дереве	—
В медвежьей шкуре	13
Поганки	15
Задерживост	18

МОИ ХИТРЫЙ СЫНИШКА

Приказ на снегу	20
Тетерева в лунках	25
Мышарик	30
Про одного мальчика	32
Дробинка	—
Птичья песенка	33
Голубые лягушки	35

ПО СЛЕДАМ

По следам	37
Сумасшедшая птица	45
Лесные разведчики	52

93639

100-

Цена 1 р. 05 к.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Бланки Виталий Валентинович

ПО СЛЕДАМ

Ответственный редактор С. В. Орлеанская. Художественный редактор Н. С. Яцкевич.
Технический редактор А. И. Прохорова. Корректоры Н. В. Белякова и Е. И. Вильтер.
Сдано в набор 24/V 1955 г. Подписано к печати 11/VII 1955 г. Формат 60 × 92/16 —
4 печ. л. (2,94 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз. А03298. Заказ № 760.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49.